

Махкам Махмудов

БИБИХАНУМ

Повесть

Перевод Л. Казаковой, М. Турсунова

Пусть скажет Афрасиаб, скажут надписи

Орхуна

В ожерелье истории, край мой,

Ты яркая жемчужина.

Эркин Вахидов

Там, где, широко разливаясь, привольно течет Сырдарья, есть неприметный, поросший камышом остров. Омывая его, неторопливо бежит река, по ночам мерцающая серебристыми бликами лунного света. Шуршат камыши, и от легкого дуновения ветра их пушистые метелки опускаются в воду.

Спрячется серп молодой луны за облако, и все вокруг погружается во мрак. Бесконечно журчит река да лягушки выводят трели в камышах.

Но вот месяц опять вынырнул из облаков, отразился в воде...

Лишь чуткое ухо да острый глаз смогли бы сейчас заметить двух всадников, пробиравшихся к островку. Один из них, что помоложе, правитель Хутталана, раскинувшегося между Вахшем и Пянджем, другой - лет тридцати. На нем, как и на первом всаднике, булатная кольчуга, на голове - шлем, на серебряном поясе - исфаганский меч. Припав к гриве коня и натянув поводья, он осторожно, стараясь не шуметь, переплыл реку. Покинув седло на каменистом островке и слегка прихрамывая, он направился к всаднику, прибывшему с другого берега. Подняв забрала, воины крепко обнялись, словно век не виделись, постояли так молча. Привязали к кустам озябших в холодной воде коней и присели на поросший мохом валун.

- Брат мой, - первым нарушил молчание узкоглазый всадник, прибывший с западного берега. - Вы, наверно, и не подозреваете, какое тяжкое бремя взвалил на мои плечи эмир Хусайн?

Молодой собеседник, от которого веяло могучим здоровьем и силой, устремив взгляд своих голубых глаз на гонимые ветром облака, спокойно ответил:

- Вам поручено убить лучшего друга или захватить его живым в плен? Чего еще можно ожидать от этого подлого властителя?

- Помните, - спросил хромоногий, - когда удача сопутствовала нашим друзьям-сарбадарам при защите Самарканда от монгольских полчищ Ильяса-ходжи? Хусайн обещал им поддержку? А потом...

Многих наших -друзей эмир вздернул на виселице, а за оставшихся в живых запросил непомерный выкуп.

- Помню, - коротко ответил голубоглазый воин. - Немногие тогда спаслись...

- А ведь я еще не рассказал вам о том, что обреченных, за которых запросили немалые деньги, не смогли выкупить даже родственники. Чтобы освободить их, я отдал еще золотые браслеты жены

Ульджай Туркан-ага - родной сестры эмира Хусайна. Питал надежду, что шурина, увидев

браслеты своей сестры, устыдится и возвратит их. Но куда там! Да разве дело в браслетах... Не зря великий хан Казаган сказал о нем: "Не хватало еще этого сопляка, чтобы гоняться за властью..."

- Верно сказано, - поддакнул голубоглазый воин, недолюбливавший Хусайна.

- Словом, после этого случая совсем охладел я к нашему шуруну. А когда, спустя некоторое время, спутница моей жизни Ульджай Туркан-ага, покинув бранный свет, отправилась в лучший мир, Хусайн и беки заподозрили меня в ее смерти. К счастью, бывает так: чужие люди ближе родных, хвала всевышнему. В ту трудную минуту меня поддержали вы. Сколько потом мы одержали побед, сколько крепостей взяли!..

- С божьей помощью, возьмем еще не одну! - поддержал его голубоглазый.

- После смерти жены все мне опостылело. Я оставил Балх, Хисар, Шадман во власти Хусайна, - продолжал хромоногий бек, - но он не оценил этого великодушия, строил козни, стремясь уничтожить меня. Наши победы его удручали, злили, вызывали негодование, зависть бурлила в нем, и он замыслил коварную месть: отобрать Мавераннахр, убить меня и сесть на трон. Вы же знаете, сколько раз мы сражались, и не было случая, чтобы он не был повержен.

Но не подействовало, не образумило это его. Теперь хочет поссорить нас, чтобы сразу покончить с обоими противниками, вот и натравливает нас друг на друга. Эмир Хусайн очень опасается вас, зная, что вы не отказались от мысли отомстить ему за младшего брата.

Вспомнив о фирмане - указе эмира Хусайна о казни его брата Кайкубада, голубоглазый крепыш недобро сжал кулаки, в глазах его вспыхнул гнев.

- Да, не зря он меня боится. Я не узнаю покоя, пока не отомщу за брата, - решительно заявил он, и рука невольно потянулась к эфесу сабли.

- Перед тем, как поехать сюда, - задумавшись, продолжал хромец, - я, как всегда, посоветовался с пиром-наставником, святым шейхом Зайнаддином Кулалом, высказал ему одну мысль. Надо, чтобы Хусайн не знал о нашей встрече. Если предстоит битва, притворимся, что я победил, а вы - бежали. Потом, да поддержит нас всевышний, в подходящий момент мы объединим наши силы, дабы покарать этого трусливого клятвоотступника. Что вы скажете на это?

Хусравбек в душе воздал хвалу прозорливости и холодному рассудку полководца, сидевшего напротив, человека, который нередко малыми силами одерживал победы над многочисленным противником, используя военную смекалку, взял столько крепостей, чье имя всегда сеяло панику в стане чигатайских монголов.

- Что ж, пусть будет так... После небольшого сражения я двину войска к Алайским горам. А вы, вернувшись, успокоите эмира Хусайна. Но долго я его терпеть на троне не желаю - огонь мести жжет мою душу.

- Я верю в вашу дружбу и вашему слову, эмир, - протянул жилистую руку наездник с раскосыми глазами. - Поклянемся же: если кто-либо забудет эти обещания, он не достоин имени Человека.

Они встали, взволнованные, вынули из ножен исфаганские сабли и, благоговейно прижав к губам, тихо произнесли клятву из Корана.

- Бог свидетель! - произнес хромоногий бек.

- Бог свидетель! - как эхо, повторил голубоглазый воин.

Вложив сабли в ножны, они отвязали похрустывавших сочной травой коней, взлетели в седла и вдели ноги в стремяна.

- Счастливо оставаться, Хусравбек! - направил коня к реке хромоногий воин.

- Счастливо доехать, Тимурбек! - взмахнул рукой его голубоглазый соратник.

* * *

Когда конь Тимурбека, переплыв реку, вынес своего хозяина на берег, серп молодой луны снова нырнул в облака, и тропинка затерялась во мраке. По одну сторону дороги расстились пшеничные поля, к другой вплотную подступали фруктовые сады. В небольшой рощице к эмиру присоединились ждавшие его здесь нукеры.

- Эмир и словом не обмолвился с теми, кто встретил его в роще.

Нукеры, прекрасно знавшие крутой нрав эмира, не смели и рта открыть, чтобы о чем-либо спросить его. Молча двинулись в путь.

Тускло светила луна, кони шли размеренной иноходью. Каждый был занят своими мыслями. Эмир ехал, опустив поводья, предавшись воспоминаниям детства и отрочества, проведенных в Шахрисабзе. С малых лет рос он среди воинов, видел жестокие схватки и сечи. В мальчишеские годы научился владеть саблей, стрелять из лука. В Шахрисабзе главную резиденцию Казанхана из рода Чигатаев - роскошный решетчатый дворец Занжирсарай, выстроенный искусными мастерами из Рума[Р у м - Византия.] и Фаранга[Ф а р а н г - Франция, здесь - Западные страны.], охраняло несметное число нукеров. Его дед - богатырь Кечувли, проявляя чудеса храбрости в ночных сражениях, получил прозвище Сын Ночи. Вместе с ним Тимур не раз бывал в Занжирсарае и всегда зачарованно смотрел на изумительную по красоте цветную мозаику на фронтоне дворца. Дед частенько говаривал ему: "Когда вырастешь, тоже будешь служить в этом дворце и будешь славным рыцарем, как твой отец Тарагай". Эмиры, сражавшиеся за трон, не раз осаждали дворец и изрядно повредили его: двери дворца были разбиты, фронтон выщерблен бесчисленными стрелами.

... Во дворце этом родилась и год от года хорошела молодая луна, и немало богатырей теряло душевный покой, думая о ней.

То была дочь хана Казана - царевна Сараймульк-ханум. Проходя вместе с дедом по саду Занжирсарая, Тимурбек не раз мимолетно видел юную царевну в окружении молодых служанок, и он уверовал, что Сараймульк-ханум - самое прекрасное из всех чудес дворца, повелительница мира красоты.

Завоевать любовь царевны, быть с нею рядом - мечта эта не покидала Тимура, преследовала его, не давала покоя ни днем, ни ночью. Он готов был свершить высочайший подвиг, только бы принести весь мир к ее ногам. Когда Тимурбеку минуло одиннадцать лет, пришла черная весть: хозяина дворца Занжирсарая Казанхана убили беки хана Казагана. Тяжкая утрата больше всех обрадовала внука эмира Казагана - Хусайна. Он не скрывал своей радости, хвастался, что отныне властвовать будет только его род.

Но, воодушевив Хусайна, весть эта тяжелым камнем легла на душу Тимурбека. Хоть и юн был, но гордец. Ведь еще дед его, богатырь Кечувли, был предводителем войска великого чигатайского хана Хубулайхана, и он, и сам хан души не чаяли друг в друге. Заботясь о будущем потомков, они на железных скрижалях написали завещание; на веки вечные ханами страны Чигатая должны быть потомки Хубулайхана, а верховными главнокомандующими - потомки батыра Кечувли...

* * *

Сараймульк - Сокровище дворца - так ласково и уважительно звали Бибиханум. Совсем юную, не спросив ее согласия, отдали в жены молодому и знатному полководцу Хусайну, внуку хана. С тех пор часто слышала она от подруг, да и от невольниц удивительные рассказы о подвигах богатырей, но с особой любовью говорили они о деяниях молодого предводителя

барласского племени Тимура. Где-то глубоко в душе у царевны рождались и не давали покоя сладостные чувства к этому отважному человеку. Сквозь решетчатые окна дворца краешком глаза ей иногда удавалось увидеть Тимура в окружении друзей-рыцарей, - гостей ее мужа Хусайна. И тогда трепетное сердце стучало сильнее.

Царевна тщательно скрывала свои чувства, но подруги, будто зная о ее переживаниях, все чаще говорили при ней о Тимуре, подчеркивая, что ему нет равных в фехтовании, стрельбе из лука, рукопашной схватке.

Оставаясь одна, Бибиханум часто вспоминала о нем, думая о его трудной судьбе. Воображение рисовало ей картины сражений, в гуще которых всегда был Тимур, и всегда он каким-то чудом выбирался из жестокой схватки и оставался невредимым.

... Предводителей тюркских племен в погоне за властью и славой все чаще разжигало пламя раздоров, а это ослабляло их и в конце концов привело к разгрому разрозненных сил. Спасаясь от преследований сильного, хорошо вооруженного и дисциплинированного монгольского войска, беки и их поредевшие отряды рассыпались, разбрелись кто куда. Шер Бахрам пошел к себе на Северный Памир, Хусайн - в Балх к своему деду Казагану, Хусравбек в свою провинцию Хутталан. Отчаянию Тимурбека не было предела. Предчувствуя какое-то знамение, он тайком пришел навестить своего духовного наставника-пира шейха Абу Бакира Тайбади. От других знаменитых шейхов он отличался тем, что не отвергал все земное, считая, что все блага на земле бог создал для человека, а из всех богатств выделял знания. Тимурбек знал и любил шейха с детства. Еще отец его Тарагай часто посещал Тайбади, видел бурные религиозные зикры - экстазные танцы с пением и музыкой.

Когда слуги доложили о приходе Тимура, он сидел у себя во дворе у бассейна на циновке и нараспев читал богоугодные молитвы. Шейх дружелюбно встретил Тимура, усадил его перед собой и стал расспрашивать о жизни и делах. Он придавал большое значение таким мирским делам, как борьба за власть в Мавераннахре, объясняя это так: богу угодно, чтобы мусульмане не отдавали свои земли неверным, и призывал всех объединиться под знаменем ислама.

То и дело впадая в задумчивость, шейх предоставлял возможность высказаться молодому беку. Ему нравились незаурядный ум и неумная энергия воспитанника. Тимурбек, придя сюда в смятении и тревоге, после непродолжительной беседы обычно обретал присущее ему спокойствие духа. Так случилось и в этот раз.

- Великий пир, я пришел за вашим мудрым советом, - обратился он к наставнику, глядя на него глазами, полными страдания.

- Говори, сын мой, что мучает тебя, какие сомнения одолевают?

- Прибыл гонец от верховного хана Туглук Тимура, - задумчиво стал рассказывать молодой воин. - Монгольский хан со своим войском перешел через Сырдарью около Ходжента. Он послал нашим предводителям и мне грамоты о том, чтобы мы помогли ему в завоевании Мавераннахра. Я сказал эмирам, что если мы пойдем служить Туглук Тимуру, то получим два выигрыша и один проигрыш.

Если же, решив с ним не встречаться, мы отойдем на Хорасан, будем иметь один выигрыш и два худа. Так что лучше будет, если пойдем к хану. Но они не послушались моего совета и отправились к себе в Хорасан. После их ухода заколебался и я, и теперь не знаю, куда идти? Как быть в таком случае, о мой великий пир? - в ожидании ответа Тимур грустно глядел в бассейн, в котором плавали листья чинары.

Мудрый старец, как всегда, отвечал притчей:

- Один мусульманин подошел к великому Али - четвертому халифу правоверных и спросил: "Если небеса превратились в огромную тетиву лука, если все беды превратились в стрелы, если люди превратились в цели, и если натягивает тетиву бог, куда люди могут идти, чтобы

спастись?" Хазрат Али ответил: "К богу". Так и ты, мой сын, иди к верховному хану, заслужи его расположение, и будет от этого великая польза народам Мавераннахра.

Тимур задумался, услышав такой совет - что скажут другие беки?

Попрощавшись с наставником, он пошел к себе, решив, по обыкновению, погадать на Коране. Произнося слова восхваления аллаху, он раскрыл наугад одну из страниц священной книги. Прочитал суру о Юсуфе и обрадовался, потом заволновался: "Это ведь Юсуф вначале стал рабом, а потом царем Египта. Не предзнаменование ли это?.." И стал собираться в путь.

Но не успел он отправиться, как принесли весть о том, что к Мавераннахру приближаются войска трех джетинских военачальников - значит не миновать грабежа. Авангардные части этих войск уже подошли к Янгибазару.

И Тимур решил: до встречи с ханом увидаться с эмирами и любым путем предотвратить грабежи и бедствия. Наслышанный об алчности эмиров, он с большим обозом даров пошел им навстречу.

То ли монгольские эмиры были наслышаны о деяниях молодого Тимура, то ли обрадовали их ценные дары, но встретили они его дружелюбно.

Сразу же после этой встречи Тимур отправился в лагерь верховного хана Туглук Тимура и предложил свои услуги.

А через некоторое время до хана дошла весть о том, что три военачальника присвоили дары, полученные от тюркского населения, и это не на шутку разгневало его. Он немедленно приказал уволить этих военачальников и изъять добычу.

Обиженные эмиры отвернулись от хана и с войском возвратились в свои края. Через некоторое время к ним присоединились и другие джетинские эмиры, недовольные правлением хана.

Не на шутку обеспокоенный таким оборотом событий, хан, по совету Тимура, собрал войско и выступил в поход на степь Джете, против взбунтовавшихся эмиров, передав правление Мавераннахром Тимуру. Ему же он оставил и десятитысячное войско Карачара-нуяна. Все это хан закрепил собственноручной подписью и печатью в ярлыке, выписанном на имя Тимура.

Так в год 1360 Тимур стал правителем Мавераннахра.

... Минуло всего два года. Достиг совершеннолетия Ильяс-ходжа, сын Туглук Тимура. Поправились внутренние дела Чигатайского государства. Хан передал власть сыну, а Тимур стал главнокомандующим войсками.

Это очень задело самолюбие Тимура, но хан, по-отечески наставляя его, показал металлическую пластину с завещанием дедов о том, чтобы ханами всегда были потомки Хубилая, а главнокомандующими - потомки Кечувли Богатыря. Нарушение завещания отцов и дедов было равно вероотступничеству, и Тимур принял командование войсками.

Молодой хан Ильяс-ходжа большого авторитета еще не имел, и эмиры, пользуясь своей безнаказанностью, держали себя вызывающе. Видя это, Тимур принимал самые крайние меры против расвирепевших монгольских эмиров. Положение становилось невыносимым. Поэтому молодой хан отправил тайком письмо отцу, Туглук Тимуру, в нем он жаловался на неповиновение главнокомандующего. В ответном письме отец распорядился сместить Тимура. К счастью, письмо перехватили в пути и принесли Тимуру.

Тимур собрал на тайный совет своих верных людей. Нужно было решить во что бы то ни стало: подняться на открытую борьбу или безропотно оставить службу. Оба варианта были отвергнуты. Выбор пал на третий: вместе с самыми надежными людьми незаметно отойти от хана, а затем организовать и объединить отряды для борьбы против монголов.

Узнав о бегстве тюркских военачальников, Ильяс-ходжа разослал повсюду свои отряды, дабы схватить беженцев.

Это были самые трудные годы скитаний. Прячась от преследователей, отряд Тимура двигался только ночью.

На пути к Хорезму к Тимуру присоединились другие отряды добровольцев, ополченцев. Среди них был и эмир Хусайн со своей дружиной. Теперь это была уже сила - шестьдесят воинов.

Тем временем Ильяс-ходжа направляет письмо правителю Хорезма, требуя схватить и передать Тимура монгольским властям.

Тот незамедлительно выступил в поход со своим тысячным войском.

Отряду Тимура не оставалось другого выхода, кроме сражения. Шестьдесят отчаянных конников вступили в неравный бой с тысячей всадников хорезмского правителя.

Соратники Тимура показали чудеса храбрости. Многие из них погибли, но прежде уничтожив сотни воинов врага. Из тысячи хорезмских всадников остались пятьдесят. Из шестидесяти героев Тимура - только десять. И эти десять богатырей обратили противника в бегство.

Весть об этом быстро долетела до Ильяса-ходжи. Его полководцы были изумлены - Тимур не только чудом уцелел, но и обратил в бегство врагов. Нет, здесь что-то не то, решили они, все это противоречит здравому смыслу. Теперь-то ясно, что ему помогает сам бог, придется признать, что это необыкновенный человек...

* * *

... Вдалеке от лагеря всадники сменили коней - так никто не узнает, что ездили далеко да еще на переговоры с предводителем вражеского войска. В полночь прибыли в лагерь... Увидев бека, приближенные и военачальники почтительно встали из-за дастархана, расстеленного близ шатра на зеленой траве.

У шатра провели малый совет. Бек внимательно выслушал соображения военачальников и вынес решение: немедленно готовиться к битве, чтобы утром, сразу же после молитвы, начать наступление. Приказ донесли до каждого тумена[Т у м е н - сотня, боевая единица у тюрков.], до каждого булика[Бу л и к - войсковое подразделение в десять тысяч всадников.].

Завершив совет краткой молитвой, Тимурбек отпустил свиту и, обойдя шатер, растянулся на зеленой траве. Он положил раненую, уже начавшую заживать руку под голову... и загляделся в небо, где, поблескивая, уже закрутили свой хоровод звезды. Прохладный ветерок с реки, стрекот кузнечиков навевали мысли не о войне, а о мире. В такие ясные ночи Тимурбек забывал о том, что он воин. Часами мог он читать стихи и слушать печальные песни народа.

И все же жизнь казалась Тимурбеку прекрасной, воздух был настоен на свежих травах, звонко пели кузнечики и между клочьями белесых облаков медленно плыла луна. В такие мгновения он чувствовал в себе могучую, неумную силу. Он мечтал лишь о том, чтобы победили честные и благородные люди, умеющие ценить человеческое достоинство.

А время было беспокойное. Потомки монгольских завоевателей уже давно не столь могущественны, как прежде. Но невероятно трудно объединить тюркских эмиров, поднявшихся на святое дело - освобождение родной земли от иноземных захватчиков. Каждый хлопочет, прежде всего, о своих интересах, и получается, что его заклятые враги не монголы, а свои кровные братья. Многие эмиры чванливы, хвастливы. Борясь за власть, они готовы превозносить свои деяния до небес. А как иначе, если интересовала их не судьба народа, а только трон. Эмир шейх Мухаммад, сын Ябан Сулдуза, Алибек, эмир Хусайн все они были готовы на любую подлость, лишь бы принизить, подмять, уничтожить соперника.

Хусайн, конечно, самым достойным преемником трона Мавераннахра считал себя.

Располагая громадным войском, он тем не менее уклонился от битвы под Пулисангином с тридцатитысячным войском монгольского царевича Ильяса-ходжи. Сколько славных тюркских полководцев, сколько соратников погибло тогда под гулками сводами каменного моста, в ревущем потоке бешеной реки. Божьей милостью Тимурбек одержал тогда победу, а на трон взошел Хусайн, потому что был внуком хана. Пожелает ли он терпеть рядом умного и храброго соперника? Конечно, нет...

Тимурбек никогда не испытывал привязанности к Хусайну, но эмир был его родственником, товарищем юности, и он не желал распрей между ними, понимая, что это ослабит каждого. Однажды они вместе отправились к святой могиле Ходжи Шамсиддина Фагфури - бывшего когда-то духовным наставником Тимурбека. У изголовья гробницы они поклялись на Коране никогда не предавать друг друга. Тимурбек отдал Коран Хусайну, чтобы он всегда был с ним, и если мысль о предательстве заползет вдруг в сердце, увидев эту священную книгу, он сможет удержаться от подлого шага. Так считал Тимурбек. А Хусайн вскоре забыл о клятве... Выступив во главе войска из Балха, он захватил у Тимурбека крепость Карши и провозгласил себя единственным властителем Мавераннахра...

Небо прочертила хвостатая комета. Она оставила за собой молочный след и канула в безбрежные просторы космоса. Тимурбек усмотрел в этом божественное предзнаменование, и сердце его сжалось. Чья звезда закатилась? Может быть, Хусайна? Бек невольно вспомнил Хусайна и его жену - небесную красавицу Сараймульк-ханум. Хоть и смертный грех думать о замужней женщине, он не мог удержаться.

Но вскоре мысли о предстоящем сражении вытеснили все остальное. Песчаный ураган многочисленных каждодневных битв засыпал светлый родник надежд в душе эмира и грозил уничтожить его навсегда...

В предутренних сумерках, сразу после молитвы, закипела битва.

И вот уже до слуха Тимурбека, вместе со свитой наблюдавшего у шатра за ходом сражения, донеслись возгласы: "Враг отступает! Враг отступает!" Подскакали командиры буликов. Спешившись, они сообщили - неприятель бежал за реку, - и просили позволения преследовать его.

- Враг бежал - это наше счастье, - спокойно заметил Тимурбек. - Нет смысла преследовать его. К тому же и времени у нас в обрез. Нужно сниматься и поскорее сообщить хану в Балх радостную весть. Возвратимся в Карши и порадуем наместника Хусайна эмира Мусо.

Сказав так, он приказал трубить сбор и отправляться в обратный путь. Тут же было составлено письмо эмиру Хусайну, в котором сообщалось о славной победе. Гонец увез его адресату.

Дворец эмира Хусайна в Балхе был воздвигнут когда-то по велению эмира Казагана. Роскошный, в пышном убранстве, прятался он в густом тенистом саду. В гарем, что за дворцом, вел узкий мостик над каналом с кристально чистой водой. В воде, как в зеркале, отражались и мостик, и восьмигранная беседка с мраморными колонками, место для прогулок, огороженное лепной решеткой. Ветви плакучих ив - этих меджунов Востока - на берегу канала напоминали каскады водопадов. В аллеях, обсаженных кипарисами и самшитами, не видно ни души.

В самом потаенном уголке сада, в резной каменной беседке на атласных подушках восседает любимая жена эмира Хусайна - Сараймульк-ханум - она играет в шахматы с сербиянкой. Обычно одерживавшая победы, царевна играет сегодня рассеянно и уступает служанке. Глаза ее устремлены на шахматные фигурки, а мысли, судя по всему, где-то далеко...

- Моя госпожа, вы сегодня отчего-то рассеянны, - пошутила служанка. Верхние пуговицы шитого золотом камзола у нее расстегнуты, длинные волосы подвязаны голубым шелковым платком. Она обмахивается веером. Вот служанка переставила фигуру и угрожает ладье

царевны.

- Да? - рассеянно спросила Сараймульк-ханум. - Но зато вы сегодня проворны, - царевна поправила покрашенными хной нежными пальчиками локон, выбившийся из-под кокетливо повязанного белого шелкового платка. -Надеюсь, ваша проворность сослужит сегодня нам хорошую службу, - таинственно закончила она.

Смысл этих слов сербиянка, уже знавшая все тонкости чигатайского диалекта, поняла сразу. Царевна долго испытывала ее преданность и теперь безгранично доверяла ей даже самые сокровенные тайны.

. - Будь у меня не одна, а тысяча жизней, я, не колеблясь, пожертвовала бы ими ради вас, царевна, - сказала служанка, приложив руки к сердцу и слегка поклонившись.

Сараймульк-ханум доверительно обняла служанку за плечи и зашептала на ухо:

- Наш господин, кажется, замыслил что-то недоброе. Он хочет погубить своего друга и родственника - Тимурбека. Ты, вероятно, знаешь, что когда-то Тимурбек захватил крепость Карши, а эмир Хусайн отобрал у него этот город. И вот, якобы для того, чтобы договориться мирно, он на днях пригласил Тимурбека на встречу в одно укромное место. По замыслу хана, Тимурбек должен приехать туда в сопровождении только своей свиты. Эмир же отправится туда с воинами, и они перебьют всех. Ночью эмир Хусайн проговорился во сне. Теперь мы должны сделать доброе дело...

- Но чем же мы можем помочь? - простодушно спросила служанка.

- Если мы с умом возьмемся за дело, спасем от неминуемой гибели мужественного рыцаря, - взволнованно произнесла царевна, доставая из рукава шелковый платочек. - Среди богатырей, охраняющих замок, есть и ваши земляки. Вы тайно договоритесь с одним из них, чтобы он доставил письмо, спрятанное в этом платке, предводителю войск эмира Хусайна - Шер Бахраму. А Шер Бахрам доставит его Тимурбеку. Если последний вовремя получит известие о замышляемой подлости, он во веки веков не забудет тех, кому обязан жизнью.

Служанка поняла: настал, наконец, час, когда она, действительно, может "пожертвовать не одной, а тысячью жизней во имя царевны". Взяв из рук царевны алый платок, благоухающий амброй, она спрятала его в потайной карман.

- В добрый путь! - сказала царевна, и тревога сжала ей сердце.

- Счастливо оставаться, моя госпожа! - улыбнулась служанка и удалилась.

Царевна тоже покинула зеленую беседку и направилась в покои. Заперев дверь спальни, она упала лицом в подушку на своем роскошном ложе. Душа ее была невыразимо смятена: она удивлялась себе и никак не могла понять - что толкнуло ее на этот шаг... Разумом царевна осуждала себя, а сердце властно требовало предотвратить задуманное Хусайном. Муж ее - чернобровый, черноглазый- таджик с мужественным лицом был настоящим воином, дальновидным полководцем. В военной смекалке и хитрости он не уступал Тимуру, а в управлении государством был более жестоким. Его жестокость уже не знала предела: не доверяя главному судье, Хусайн сам вершил суд, был неумолим в судебных разбирательствах... Он не терпел пререканий, не допускал сомнений в правильности вынесенных им приговоров. Соблюдая сарбадарские традиции, хан одевался просто и скромно, однако ж выглядел грозно. Суд он вершил с железной палицей в руках, и, если кто-либо давал неверные показания, заговаривался, плутовал, царь бил его этой палицей. Одни считали его хитрым, завистливым, коварным, другие превозносили до небес его достоинства.

Любил ли он Сараймульк-ханум? Трудно сказать. Эмир никогда об этом не говорил ни ей, ни кому иному. Хусайн почти всегда был в походах, во дворце появлялся редко, и весь отдался ратным подвигам. Он снискал воинскую славу, но было в нем что-то пугающее, отталкивавшее царевну. Она знала, что его душу одолевала жажда власти, власти над всем миром, и оттого

походы и битвы были ему милее дворцовых утех.

Как ни пыталась царица заснуть, беспокойные мысли, сменяя одна другую, обуревали ее, лишили сна. Долго она лежала забывшись, закрыв глаза. И увидела сон.

Конь ее споткнулся, она упала с него и полетела в страшную бездну. А там кишмя кишели, сверкая чешуей, ярко-красные, светло-желтые, зеленые змеи. От страха зашло сердце, пыталась закричать не могла. И все падала и падала на кишачий клубок змей. В это мгновение из-за облака вылетел всадник на белом коне и подхватил царицу сильными могучими руками. И похож был этот всадник на Тимура. А за ним, тоже выскочив из-за облака, гнался другой всадник, похожий на эмира Хусайна. Беглецы приближались к солнцу. Сараймульк-ханум изо всех сил прижималась к могучей груди всадника. А конь нес их все выше и выше. И от солнечных лучей становилось все жарче и светлее...

Пока царица плыла в дивном сне, в Шахрисабзе, в саду Занжирсарая, у мраморного хауза Тимурбек играл в шахматы со своим славным соратником эмиром Джаку. Полководец Джаку был неразговорчивым, из тех, кто семь раз отмерит, а уже потом отрежет.

Вот и сейчас, не отрывая глаз от доски, он обдумывал очередной ход. В шахматах и шах и нищий равны, и потому каждый стремился выиграть партию. Эмир Джаку придумал уловку и двинул ладью в неприятельский стан. Тимурбек, зная, как хитер Джаку в шахматах, быстро прикинул, что кроется за этим подвохом, и, сделав вид, что попался на уловку, ответил ходом ферзя.

В это время к играющим подошел высокий, могучего сложения привратник и сообщил, что прибыло посольство из Балха.

- Продолжим на рассвете, - нехотя отвлекаясь от игры, предложил Тимурбек и, подозревая вооруженного нукера, приказал никого не подпускать к шахматам, чтобы не нарушить позицию.

Воздав благодарственную молитву аллаху, все встали с мест и перешли в роскошную, специально оборудованную для приема послов комнату. Окруженный свитой, Тимурбек расположился на троне. Он оглядел всех присутствующих и приказал впустить послов.

Первым вошел посол в чалме свинцового цвета, с длинной черной бородой. За ним шествовал его помощник с богато украшенным Кораном в руках.

Тимурбек сразу узнал священную книгу. Много лет назад он и эмир Хусайн поклялись именно на этом Коране, что освободят родину от монгольских захватчиков, будут помогать друг другу в святом деле, никогда не предадут друг друга. Сколько битв было после той клятвы, сколько тюркских рыцарей сложило головы ради освобождения родины от захватчиков.

"Какими друзьями были, - с сожалением думал Тимур о Хусайне. - Да, он слыл самым упрямым и храбрым эмиром; "по временам его строгость доходила до такой степени, что он приходил в "диван жалоб" с железной дубинкой; если истец и ответчик путались в своих речах или не понимали глубины его решения, он жестоко бил их этой дубинкой. Был так бережлив и скуп, что носил одежду из хлопчатобумажной ткани; если его одежда рвалась от трения о луку седла, то он клал заплату"[Слова историка Фазлуллаха Мусави, приведенные В. В. Бартольдом.]. Этим Хусайн подчеркивал свое пренебрежение к роскоши. Или он подражал знаменитым мятежникам сарбад арам-висельникам, которых сам же предал пять лет назад? Но ведь Хусайн сначала поддерживал их борьбу против монголов".

Перед глазами Тимура возникли героические и трагические картины сарбадарских событий.

В год змеи, весной 1365 года верховный монгольский хан Ильясходжа предпринял очередной поход на чигатайских тюрков. Монгольские ханы хотели воспользоваться смутным временем, междоусобицей чигатайских эмиров, чтобы распространить свою власть и на Мавераннахр. В то время южной частью Мавераннахра правил эмир Хусайн. Он решил

встретить врагов на подступах к своим владениям. Но все труднее становилось отражать нашествие монголов, владевших Семиречьем и Восточным Туркестаном.

22 мая 1365 года на берегу реки Чирчик тумены Хусайна и Тимура были разбиты наголову. Оба эмира после кратковременной остановки у Шахрисабза бежали за Амударью. Среди народа распространились слухи, что много обещавшие эмиры Тимур и Хусайн не смогли защитить страну и отдали ее на разграбление монголам.

Окрыленные победой, войска монгольского хана Ильяса-ходжи взяли направление на Самарканд. Жители города провели эти ночи без сна, в тревожных ожиданиях, в предчувствиях близкой беды.

Было ненастное утро. На улицах Самарканда свежий ветер рвал молодые, еще беспомощные листья чинар. В ожидании нашествия монголов жители города стар и млад, торговцы и ремесленники, ученые и простой люд собрались в соборной мечети. Лица всех выражали тревогу и отчаяние.

Вдруг появился юноша, хорошо одетый, опоясанный мечом. Он принадлежал к ученой знати. Это был Мухаммад Мавлон, известный среди народа храбростью и искусством в стрельбе из лука. Медленными шагами подошел он к кафедре и обратился к собравшимся:

- Ахли жамоа! - Собрание мусульман! Ныне хан Ильяс-ходжа с превосходящими силами идет на нас для разбоя и уничтожения мусульман. Наши правители, которые приходят и уходят, но всегда и постоянно вимали с нас мусульман подушную подать, называя ее пошлиной и поземельной податью, и расходовали ее не на благие цели, а для удовлетворения своих прихотей. Причем, они обещали навечно оберегать нас от посягательств всяких врагов. А теперь, при появлении врага они оставили мусульман без защиты и сбежали. С этими словами Мухаммад Мавлон обвел взглядом всех присутствующих и, убедившись в их сопереживаниях, продолжал: - Жители нашего города могут заплатить за себя выкуп и поднести монголам дары. Но этим мы не спасемся. Что делать нам теперь в тяжкие для нас и для родины дни? Мусульмане! В день Страшного суда вас призовут к ответу. Кто возьмет на себя защиту ислама и ответственность за судьбы народа и родины, чтобы и мы так же, положа руку на сердце, верой и правдой служили ему?!

Все вельможи и знатные люди хранили молчание. Окинув еще раз взглядом собрание мусульман, Мухаммад Мавлон продолжал:

- Я вижу: никто не решается... Но если я возьму ответственность за судьбу города на себя, могу ли я рассчитывать на вашу помощь и поддержку?

Все единодушно согласились на это и признали его своим вождем. Мухаммад Мавлон показал на стоявших в углу собора кузнецов богатырского сложения и распорядился раздавать оружие.

Участники обороны города - сто тысяч вооруженных мужчин, пожилых и молодых, из разных сословий поклялись на Коране беспрекословно выполнять все приказы вождя. "Если нарушим эту клятву, пусть ложе наше, которое разделяем с женами, будет для нас недостойным!" - сказали они.

Три дня и три ночи готовились защитники города к отпору врага. Мухаммад Мавлон потребовал, свитки со списками всех жителей, чтобы каждому определить задачи и место в обороне. По его велению на улицах возводились заслоны из бревен, мешков с землей, арб. По обеим сторонам улиц из конца в конец были построены навесы для стрелков на случай прорыва врага через заслоны. Днем и ночью каждый оставался на своем посту. Запрещалось без приказа предпринимать какие-либо действия, как внутри городской ограды, так и вне ее. В четырех кварталах вдоль главной улицы, где находился оставленный открытым проход, поставили в засаду тысячу стрелков.

Сам Мухаммад Мавлон с другим отрядом занял позицию в глубине той же улицы.

Во всех приготовлениях к защите города его первыми помощниками были Хурдак Бухари и Абубакир Калави - мастер-текстильщик, они и стали предводителями обороны сарбадаров.

Отряды монголов, уверенные в успехе, начали штурм города. Главные силы устремились в открытую улицу, миновали засаду и наткнулись на заслоны отряда Мухаммада Мавлона. Руководитель обороны велел ударить в барабаны, и началось сражение. На монголов со всех сторон полетели камни из пращей, стрелы из луков, посыпались бревна, доски.

Монголы повернули коней вспять, теряя многих убитыми и ранеными. Сотни попали в плен...

На следующий день монголы возобновили атаку с большей предусмотрительностью. Они применили обычную тактику кочевников: притворное бегство и неожиданное нападение. Но и это не принесло им успеха.

Потеряв надежду взять город приступом, монголы отступили.

В монгольском лагере по непонятным причинам начался падеж лошадей. Это подстегнуло отступление врага. Мусульмане возликовали и возносили хвалу аллаху, милость божья спасла их и город от посягательств неверных.

Из чигатайских эмиров, бежавших за Амударью, первым узнал о народном восстании в Самарканде Тимур, стоявший с войском около Балха. Принес это известие Аббас-бахадур, посланный сарбадарами во главе конного отряда к Железным воротам, где он встретил летучий дозор Тимура. Эмир был чрезвычайно обрадован неожиданным оборотом событий, хотя в душе чувствовал огромный стыд за свое бегство. Он с почестями отправил обратно посланника самаркандских повстанцев, дав ему в помощь одну тысячу всадников. Затем послал гонца с радостной вестью к Хусайну, стоявшему дальше к востоку, в урочище Шибарты, назначив ему встречу.

Около Богдана, к югу от Кундуза, произошло свидание эмиров. После долгих обсуждений было решено отправить восставшим посла с дорогими дарами, грамотой на управление Самаркандом и посланиями, в которых предводителям восстания давались клятвенные обещания в полной поддержке.

Сарбадары с удовлетворением приняли знаки внимания эмиров.

Со своей стороны сарбадары отправили послание и подарки Тимуру в Карши. В послании они выразили желание и впредь быть "счастливыми подданными высокочтимого эмира Хусайна".

В течение зимы Тимур посылал в Самарканд своих уполномоченных для участия в решении важных дел и этим еще более укрепил в правящих кругах сарбадаров доверие к Хусайну.

Тем временем Хусайн исподволь готовил поход на Самарканд.

Весной 1366 года, накануне похода, он отправил туда послов. Велел передать вождям сарбадаров, что он питает к ним "полное доверие", что в его глазах они лучше всех эмиров и что он готов по их просьбе встретиться с ними на равнине Канигиль.

Хусайн зимовал в Сали-сарае, на берегу Амударьи, в резиденции деда Казагана, Тимур - в Карши, где в течение зимы сумел закончить постройку городских стен.

Из Самарканда же доходили слухи о том, что, возгордившись победой, одержанной почти без помощи царей и эмиров, трое предводителей сарбадаров и их сподвижники стали позволять себе насилие и притеснение остальных жителей. В письмах проскальзывали слова о том, что "свои" стали хуже "чужих"...

Ранней весной 1366 года Тимур и Хусайн подошли к Самарканду и расположились в равнине Кани-гиль, к северо-востоку от города. Вскоре сюда прибыли сарбадары с подарками, Хусайн милостиво принял и отпустил их. На другой день они явились снова, с еще большим

количеством подарков.

Но произошло неожиданное! На пути в лагерь, на берегу протока реки Кирноз, все предводители сарбадаров были схвачены. Их обвинили в "узурпаторстве, насилиях над подданными эмира" и осудили на казнь. Этой участи избежал только Мухаммад Мавлон. Помилование пришло к нему... у подножия виселицы. Будучи уверенным в верности трону главы сарбадаров, Тимур в последний момент настоял на сохранении ему жизни.

"Тогда эмир Хусайн разделался с преданными защитниками Самарканда. А теперь что он задумал?.."

После долгого молчания Тимур дал знак послу, что готов его выслушать.

- Да будет трон ваш вознесен выше, чем крыша неба, - витиевато заговорил посол. - Великий эмир, правитель Мавераннахра Хусайн ибн Абдулла ибн Казаган шлет дружеский привет славному правителю Карши и Шахрисабза Тимурбеку ибн Мухаммад Тарагаю, выражает ему свою преданность и надеется на взаимное дружеское расположение.

Произнеся эту тираду, посол осторожно взял из рук помощника Коран в черном бархатном переплете, украшенный яхонтами, и преподнес Тимурбеку.

Тимурбек бросил взгляд на эмиров, расположившихся вдоль стен роскошного зала, и, прочитав в их глазах молчаливое одобрение, встал с места. Приняв Коран из рук посла, произнес короткую молитву и приложил священную книгу к глазам.

- И мы изъявляем, как и прежде, наши дружеские чувства эмиру Хусайну и обещаем ему нашу верность и преданность, - сказал он и, мгновенье помолчав, добавил: - Но того, кто предаст забвению клятву и изменит другу, пусть настигнет божья и человеческая кара.

- Да будет так, - торопливо заключил посол. Затем, повернувшись к присутствующим, продолжил: - Его величество эмир Хусайн выразил желание встретиться с его величеством Тимурбеком. Место встречи можете назначить и вы. Однако эмир Хусайн предлагает эмиру Тимурбеку прибыть в ущелье Тангачакчак в сопровождении нескольких нукеров. То же самое сделает и великий хан Хусайн ибн Абдулла ибн Казаган. Хан решил, что пора покончить с враждой и объединить наши силы и войска для отражения любого противника.

Посол умолк, ожидая ответа.

Тимурбек припомнил ущелье Тангачакчак в горах Хисара. В беспокойные годы в этом ущелье поклялись они с эмиром Хусайном на Коране в вечной дружбе. Вот почему для хана свято это место и он назначает там встречу. Что ж, пусть будет так...

- Передайте эмиру, - сказал он послу, - что в назначенный день и час я буду в условленном месте.

По приказу правителя на послов надели дорогие халаты, в их честь был устроен пир. После пира, одарив дорогими подарками, послов проводили с большими почестями и пожеланиями благополучия им и их семьям.

Не успели послы отбыть из замка, как привратник сообщил Тимурбеку, что какой-то человек просит принять его.

- Пусть войдет, - велел Тимурбек.

Привратник нерешительно топтался на месте.

- Ну, что же ты стоишь?

- Этот человек хочет говорить с вами наедине.

- Хорошо, - сказал Тимурбек и обратился к придворным: - Оставьте нас одних.

Все, отдав поклоны, удалились.

Вошедшего человека, бородатого, густобрового, бек не узнал. Но когда тот сорвал с лица накладную черную бороду, Тимурбек узнал в нем своего бывшего сподвижника Шер Бахрама и радостным объятием приветствовал его.

Рыцарь, проделавший на скакуне неблизкий путь, выглядел усталым, глаза блестели, пыль покрывала его одежду.

Преклонив колени, гонец протянул беку инкрустированную шкатулку.

- Ваш покорный слуга сейчас - гонец царевны, - прошептал воин, не отрывая глаз от бека.

Тимурбек дрожащими руками сломал сургучную печать, открыл шкатулку и извлек алый платок с письмом на шелковой китайской бумаге. Увидев платочек, бек пришел в смятение. Узнав почерк царевны, он сумел скрыть волнение и внешне остался невозмутимым. Быстро прочитав письмо и благодарно взглянув на своего верного друга, служившего у Хусайна, его вечного друга-врага, бек хлопнул в ладоши, и Шер Бахрам в мгновение ока снова надел бороду.

Вошел привратник.

- Этот воин достоин высокой награды. Одарите его и проводите с почетом. И пусть войдут эмиры и улемы...

Воин, поблагодарив, с поклоном удалился.

Тимурбек задумался. Рассказать ли придворным о коварном замысле эмира Хусайна, послы которого только что передали ему заверения хана в вечной дружбе?! Сказать, и люди, только что обрадованные сообщением послов эмира, снова впадут в уныние. Не сказать, значит, пойти в назначенное место без войска, в сопровождении лишь нескольких нукеров. А поведи он с собой войско, все сочтут его за труса. Нет, лучше сказать открыто всем о коварном замысле эмира Хусайна. Пусть бесстрашный поступок Шер Бахрама послужит примером честности другим. Тимурбек вспомнил, как он, вместе с Шер Бахрамом, бежал от преследовавших монгольских полчищ, как смерть смотрела им в глаза на каждом шагу, сколько мытарств испытали они, и как обрадовался сейчас встрече Шер Бахрам.

- Достопочтенные, - сказал бек эмирам и улемам, - только что послы эмира Хусайна передали клятву на Коране в вечной дружбе.

Но Хусайн оказался клятвотступником, поправшим и веру и совесть. Только что я получил известие от верного человека, который служит у Хусайна. Этот человек проявлял чудеса храбрости в битвах против монголов, а потом пошел служить эмиру Хусайну. Но он не забыл нашей прежней дружбы и привез письмо, предупреждающее меня о смертельной опасности. Хусайн придет в ущелье Тангачакчак во главе нескольких туменов. Он замыслил запереть нас в ущелье и перебить всех до одного.

Послышались возмущенный ропот, возгласы негодования. Эмиры, шейхи, улемы держали совет. Решено было идти в ущелье Тангачакчак с большим войском.

В ущелье благоухали травы, весело журчали ручьи, красивый кустарник, цветущие урючины, фисташковые и миндальные деревья, зеленые поляны в цветах уподобили это место раю, скрытому от непосвященных глаз.

Солнце, выкатившись из-за цепи гор, рассыпало первые лучи. Прошумевший ночью дождик словно вымыл этот мир, все искрилось и сияло. Весело щебетали в траве и на деревьях птицы.

Далеко внизу катилась, прыгая с валуна на валун, бурная горная речка. Воздух пьянил ароматом дикого базилика, мяты и пахучей ели. Над зеленой травой порхали бабочки и стрекозы. Мир и покой царили вокруг, и природа словно радовалась этой тишине.

Тимурбек, спрятав недалеко от ущелья тумен, с десятком нукеров подъехал к входу в ущелье и спешил. Красивая природа очаровала воинов, а Тимурбек был мрачен: не верилось, что луга и берега реки в этом райском уголке вскоре огласятся воинственным кличем и окропятся кровью. Не поступишь Хусайн совестью, не наруши он клятву на Коране, и не нужно было бы это сражение, не пролилась бы кровь тысяч воинов, и тысячи детей не остались бы сиротами. Но слово высказанное - что выпущенная стрела. А пущенную стрелу не воротить.

Словно подтверждая эти мысли, с противоположного конца ущелья донесся глухой топот

тысяч копыт. Эмир Хусайн, заманивший Тимурбека на встречу, ехал с немалым войском. Когда тысяча всадников Хусайна вошла в ущелье, войско Тимурбека, по сигналу карнаев, закрыло ущелье.

И щебетанье птиц заглушили ржание вспотевших коней, звон сабель и копий, треск пробитых щитов, крики радости и отчаяния.

Вода в реке на дне ущелья стала красной...

Эмир Хусайн поостерегся войти в ущелье с войском. Он остался недалеко от входа в него, поставил шатер и стал ждать, когда приволокут и бросят перед ним на землю связанного по рукам и ногам Тимурбека. Но услышав шум ожесточенной битвы, вскипел гневом. "Измена! - эта мысль, как молния, сверкнула в голове хана. - Кто же предал? Кто сообщил Тимурбеку, что я иду с войском? Проклятье! Везде шпионы, изменники!"

Пока эмир Хусайн в гневе ждал известий, несколько сотен, прорвав окружение войск Тимурбека, поскакали к шатру. Среди богатырей, вырвавшихся из окружения, был и Шер Бахрам.

Он поймал себя на мысли, что не знает, куда же дальше следовать - ведь ему необходимо вывести воинов из окружения.

Натянув поводья разгоряченного коня, Шер Бахрам оглянулся.

Увидев лавину своих воинов, он понял, что остановить их теперь невозможно, и надо, положившись на волю бога, сказать хану о том, что случилось.

Это было нелегко. Эмир Хусайн не любил проигрывать сражений и нередко в гневе карал смертью гонцов, приносящих плохие известия. Вот и сейчас он несомненно ищет того, кто предупредил Тимурбека о готовившейся смертельной ловушке, и подозревает в измене всех и каждого своего военачальника.

И все же кто-то должен доложить хану о сражении. Шер Бахрам, подъехав к лагерю, спешил и, отдав поводья коноводу, быстро пошел к шатру. Вышло так, как он и предполагал. Эмир, злой и негодующий, сидел, откинув грузное тело на спинку походного трона. Его гневный взор обжег Бахрама, но тот, не испытывая страха и не отводя глаз, сказал:

- Мой эмир, прикажите немедленно отойти, врагу помогает сам аллах!

В глазах эмира Хусайна полыхнули зловещие огоньки. Значит, на сей раз победа досталась не ему. Но виновных он все-таки найдет...

- По коням! - приказал эмир, вставая с места. - Возвращаемся в Балх! и гневно стегнул коня плеткой. Вслед за ним тронулись нукеры, а затем и все войско.

Во дворце в Балхе вот уже несколько дней тишина. Объявлен траур по случаю поражения хана. Даже слуги, вспомнив о чем-нибудь веселом, моментально прикрывали рты, опасаясь гнева эмира.

И в гареме уныние. Его обитатели с трудом сдерживаются, чтобы ненароком не нарушить тишину. В саду дворца, в беседке за белыми лепными решетками Сараймульк-ханум - Бибиханум читает стихи Абул Ала ал-Маари. Хотя никто во дворце и слова не молвил о страшном поражении в ущелье Тангачакчак, прозорливая, тонкого ума женщина все поняла и порадовалась, что смогла помешать подлому убийству. Царевне очень хочется узнать о подробностях битвы, но расспрашивать придворных нельзя: все дойдет до эмира, и это может обернуться бедой для близких.

Но черная весть, молнией облетевшая Балх, мучительным огнем жгла сердце Бибиханум. Эту весть принесла та же верная служанка, она торопливо прошептала на ухо госпоже трагическое известие и, чтобы не видеть муки, отразившейся на лице царевны, поспешно удалилась. Предводитель войска Шер Бахрам, обвиненный в измене, был казнен на соборной площади после пятничной молитвы.

Только в душе могла оплакать Бибиханум смелого военачальника, который ради спасения своего друга пожертвовал жизнью.

Смерть Шер Бахрама болью отозвалась в сердцах всех отважных людей, они были горды тем, что среди них есть такие храбрые, преданные, честные люди.

"Что творится сейчас в душе Тимурбека? Ведь он, наверное, узнал о смерти Шер Бахрама? - Так терзалась она, в глубине души понимая, что поступить иначе не могла. - Шер Бахрам должен был присоединиться к Тимурбеку в ущелье Тангачакчак, почему же он поступил иначе?" - думала Бибиханум, рассеянно глядя на аллею, по которой ветер гнал желтые листья. Но ведь перейди Шер Бахрам в ущелье Тангачакчак на сторону Тимурбека, его войско не смогло бы выйти из окружения и все воины погибли бы там.

Царевна в раздумьи бродила по аллее, когда прибежала сербиянка:

- В Балхе началась паника! Войска Тимурбека, объединившись с войсками Хусравбека, выступили со стороны Кеша на Балх!..

Бибиханум пришла в смятение, сердце встрепенулось в груди пойманной птицей.

Что сулило ей поражение Хусайна - горе или радость? Этого она еще и сама не знала...